

ЛИТЕРАТУРОВЕДЕНИЕ

УДК 82.09(=511.131)"19"

И. Е. Васильев, А. В. Камитова

ПЕСНЯ В ТВОРЧЕСТВЕ УДМУРТСКИХ ПОЭТОВ ПЕРВОЙ ТРЕТИ XX в.*

Исследование роли фольклорной традиции в становлении удмуртской словесности нач. XX в. остается в пространстве актуального научного осмысления. Несмотря на то, что все исследователи обращают внимание на фольклорные истоки удмуртской литературы, глубокое изучение этого феномена на раннем этапе ее развития не предпринималось. Перспективным представляется разработка этой проблематики на примере одного какого-либо жанра. В данной статье рассматриваются особенности функционирования жанра песни в творчестве удмуртских поэтов первой трети XX в., исследуется своеобразие поэтики стихотворений-песен. Выявлено, что в творчестве рассматриваемых авторов (Г. Верещагина, М. Можгина, М. Ильина, К. Герда и др.) народные песни взяты в качестве образца для собственных сочинений. В целом, эстетика поэтических опытов в области песенного творчества заключается в своеобразном соединении фольклорного и авторского начал.

Ключевые слова: удмуртская литература, фольклорные традиции, поэзия, жанр, песня.

Поэты нач. XX в. реализовали свой творческий дар в непростую для удмуртской культуры эпоху. Удмуртская литература в этот период находилась на самых ранних этапах своего развития и нуждалась в «деятелях универсального типа» (термин В. И. Чулкова), совмещавших организаторскую, просветительскую, научную и художественную деятельность, тесно связанных с породившей их этно-социальной средой. Будущие писатели, как верно отмечает венгерский профессор Петер Домокош, это «выходцы из крестьянской среды и их духовный опыт также был крестьянским (т.е. фольклорным), в то же время их предполагаемая публика, читатели также были крестьянами» [8. С. 406]. Они были участниками процесса становления удмуртской словесности и находились на пограничье народной поэзии и профессионального творчества. Подобная ситуация типологически соотносится с логикой литературного развития народов Урало-Поволжского региона и вписывается в общероссийский

* Статья выполнена в рамках Программы фундаментальных научных исследований УрО РАН «Формирование национальных художественных систем пермских литератур в социокультурном ландшафте России конца XIX – первой половины XX вв.» № 15-13-6-1.

социокультурный контекст того времени. Практика удмуртских поэтов-зачинателей определялась желанием глубже познать культуру своего народа, выразить его национально-исторические потребности и преумножить духовное богатство нации. Для этого они обращались к неистощимым запасам народного творчества.

Особая и значимая роль фольклора в становлении удмуртской литературы в современной гуманитарной науке не подлежит сомнению. Фольклор аккумулировал ту духовную энергию, которая была так нужна становящейся социокультурной целостности удмуртского сообщества. Удмурты, как и другие национальные меньшинства (народности, уступающие по численному превосходству русской нации), стремились к самостоятельности (такую перспективу им открыл октябрь 1917 года). Свое, особенное коренилось именно в многовековой народной культуре, духовном укладе общества. Фольклор оправданно осознавался как кладезь народной мудрости, как сокровищница откровений, общественных ценностей, правил поведения. Фольклор – коллективное детище, производное совместной жизнью в ее каждодневном существовании. Но он не просто отражает повседневность, как это делает индивидуальный дневник: он обобщает, осмысляет жизнь в ключах универсалий. У него множество функций и социокультурных проявлений. Он фиксирует и тиражирует моральные нормы, утверждает различные правила, обеспечивающие устойчивость общезжития. Он воспроизводит коллективные идеалы, указывает правильный путь людям и всё это делает в форме народного искусства. Он связан с трудом и бытом человека, народной мифологией, обрядами и религиозными представлениями. Этическое, эстетическое, мировоззренческое тесно взаимодействуют в фольклоре, как коллективном творчестве, созидании, то есть связан с производством духовных ценностей общества, формированием национального самосознания.

Коллективная психология, национальный менталитет проявляют себя так или иначе во всех жанрах и формах народного творчества, но особенно наглядно – в песенном творчестве, оптимальным образом выражающем и транслирующем народные представления, вкусы и настроения. Архаической, но важнейшей среди других функций фольклора была магическая. Охотничьи, земледельческие, семейно-родовые обряды издревле сопровождались песнопениями и танцами, заклинательной устремленностью всех действий, направленных на улучшение урожайности, усиление плодovitости, гарантированность успеха на охоте, сохранность семейного очага. Исследователь удмуртской культуры В. Е. Владыкин отмечал универсализм песни и настаивал на ее особом статусе в жизненном самоопределении удмуртов: «Песня сопровождала человека всю жизнь: рождался человек – в его честь складывали песню, умирал человек – его жизнь славил и прощались песней. Свадьба не начиналась, пока *тöро* ‘тысяцкий’ не давал песенный зачин. Устраивались песенные состязания, кто кого перепоеет. Когда юноша уходил в армию, он часто сочинял свои слова на общую мелодию рекрутской песни. Когда приезжали гости, хозяева встречали их хлебом-маслом-медом и гостевой песней, гости привозили свои ответные песни. Песенное творчество у удмуртов очень развито. Людей, которые не умеют петь, насмешливо называли “*паллян кырзась*” (букв. ‘поющий влево’), что с него взять, если он даже петь не умеет, – совсем никудышный человек» [5. С. 23].

Обращенность к душе и сердцу человека, тесная связь с его жизнью во всех проявлениях, смысловая емкость и глубина при краткости текста – всё это делало

песню весьма привлекательным жанром в процессе творческого самоопределения литераторов, стремящихся в исторический мейнстрим. Песня с ее способностью транслировать духовные ценности и обеспечивать связь с историей и культурой этноса отнюдь не случайно стала матрицей новых поэтических порождений. Поэты от собирательства народных песен и их изучения постепенно переходили к освоению песенной поэтики. Исследователь Е. А. Подшивалова объясняет это тем, «что при неграмотности населения стихи могли распространяться только в виде песен. Но вполне очевидно, что лирическая стихия, свойственная душевному строю автора-удмурта, выразилась именно в этом жанре» [20. С. 56]. По замечанию В. Кубилюса, в виду отсутствия литературных традиций народная песня предстала как «совершенная модель поэтической культуры и национального художественного мироощущения» в словесности молодых литераторов [15. С. 26]*.

Жанр песни входит в удмуртскую словесность в кон. XIX в. с произведением Г. Е. Верещагина «Чагырь, чагырь дыдыке!». Считается, что это первое печатное оригинальное удмуртское стихотворение, написанное под видом фольклорной колыбельной песни. Приводим отрывок песни на удмуртском языке вместе с авторским переводом на русском языке:

Чагырь, чагырь дыдыкэ!
Малы пыддэ жобаськодъ?
Чебер піэ-гыдыкэ!
Малы яламъ бѳрдъиськодъ?**

[4. С. 44].

Сизой, сизой голубочекъ!
Зачѳмъ ноженьки марашъ?
Сынокъ миленькій-красавчикъ!
Зачѳмъ, дитятко, все плачешъ?***

[4. С. 45].

* Литература о народной удмуртской песне огромна. См. наиболее значимые публикации: *Васильев-Буглай Д. С.* Удмуртские песни // Труды Удмуртского научно-исследовательского института. Сборник I-й. Ижевск: УдНИИ, 1935. 38 с.; *Борисов Т. К.* Песни южных вотяков. Ижевск: Удкнига, 1929. 102 с.; *Герд К.* Удмурт кырзан'ёс. 1-тй кн. М.: Удкнига, 1924. 64 б.; *Герд К.* Удмурт кырзан'ёс. 1-тй кн. 3-тй шуккетэз. Ижевск: Удкнига, 1927. 113 б.; *Герд К.* Удмурт в своих песнях // О ней я песнь пою...: Стихи и поэмы, статьи и научные работы, письма. Ижевск: Удмуртия, 1997. С. 126–162; *Гиппиус Е. В., Эвальд З. В.* Удмуртские народные песни: тексты и исследования. Ижевск: Удмуртский институт истории, языка и литературы УрО АН СССР, 1989. 84 с.; *Голубкова А. Н., Поздеев П. К.* Сокровище народное. Очерк об удмуртской народной песне. Ижевск: Удмуртия, 1987. 112 с.; *Жингырты, удмурт кырзан! Нотаосын кырзан сб. / Удмурт АССР-ысь Министръёслэн Советысьтызы науч.-исследоват. ин-т.* Устинов: Удмуртия, 1987. 374 б.; *Ильин М. И.* Игры и хороводы вотской молодежи весной. Уфа: Типо-литогр. Ф. Г. Соловьева, 1915. 13 с.; *Удмуртские народные песни / Сост. И. К. Травина.* Ижевск: Удмуртия, 1964. 228 с.; *Пчеловодова И. В.* Удмуртская песенная лирика. От мотива к сюжету / Науч. ред. Т. Г. Владыкина. Ижевск: УИИЯЛ УрО РАН, 2013. 160 с.; *Удмурт калык кырзан'ёс: ныльчуръёс / Удмурт соцкультураез науч.-эскерон ин-т; дасяз М. Петров.* Ижевск: Удгиз, 1936. 176 б. и др.

** Здесь и далее орфография цитируемых авторов строк сохранена.

*** Это стихотворение настолько близко фольклору, что время от времени возникают сомнения в авторстве Г. Е. Верещагина. См., например: *Сахарных Д. М.* Об авторстве «первого удмуртского стихотворения» // Живая старина. Журнал о русском фольклоре и традиционной культуре. 2010. № 2. С. 52–55.

Это стихотворение интересно тем, что оно вошло в народный обиход, как полагают некоторые исследователи, позже, с подачи Кузебая Герда, который включил его в свой сборник стихотворений «Крезьчи», 1922 («Гусляр») под названием «Нуны веттан гур» (букв. «Напев укачивания ребенка»). Под этим же названием колыбельная вошла и в составленные Кузебаем Гердом сборники революционных и народных «Удмуртских песен» (1924, 1927). Эта колыбельная также была опубликована в книге для чтения «Шуныт зор», 1924 («Теплый дождь»).

Кузебай Герд активно прибегал к фольклору в своем творчестве и, в частности, как раз при создании колыбельных песен. Под влиянием фольклорных источников в хрестоматии «Виль сюрес», 1929 («Новый путь») появляется его песня «Нуны веттан вильгур». Во второй книге стихов «Лёгетъёс», 1931 («Ступени») опубликованы стихотворения «Кёкыкырзан» («Колыбельная») и «Виль нуны веттан гур» («Новая колыбельная песня / мотив»). При этом гердовские песни удачно сочетают в себе народную и литературную традиции.

Дело в том, что отношение к фольклорному источнику у собирателей и издателей народной поэзии какое-то время оставалось довольно свободным. К нач. XX в. были опубликованы несколько сборников народных песен с нотами и ряд текстовых песенников. По утверждениям исследователей, в ходе работы образцы народной песенной поэзии подвергались переработке: «первые две строчки <...> оставались не тронутыми, вторые две сочинялись вновь» [18. С. 29]. Не исключено, что в издания помещались и переделанные собирателями образцы, а иногда под видом народных песен могли включаться и анонимные авторские сочинения. Тот случай, когда творцы сознательно не идентифицировали себя в качестве авторов, что было характерно для данной эпохи. Таким образом, песенные тексты могли «мигрировать» из области художественного вымысла в среду устной песенной поэзии и – наоборот. По наблюдениям М. Т. Слесаревой, даже «в поэзии 20–30 годов XX века не всегда можно провести грань между авторским текстом и народной поэзией, ибо они естественно перетекают друг в друга» [22. С. 186].

Нечеткому разграничению «своего» и «чужого», индивидуального и коллективного, свидетельствующему о незавершенности процесса становления самого института авторства, аккомпанировало вольное отношение к жанровым дефинициям. Так, термины «кылбур» («стихотворение») и «кырзан» («песня») могли быть взаимозаменяемы и употребляться в значении и «стихотворение», и «песня». Феномен «переходности» текстов запечатлен и в названиях сборников. Например, в книге Я. Ильина «Кылбур'ёс» («Стихотворения») помещены удмуртские песни, загадки, поверья и пословицы [13]. Вероятно, название книги исходит из полисемантической интерпретации автором понятия «кылбур» «стих». Не исключено, что в сборник включены и авторские сочинения. Или, например, другой сборник современных песен И. Г. Векшина (Айво Иви) «Шулдыр даур» («Счастливое время») содержит тексты народных и, вероятно, авторских песен [3].

Вторым после появления верещагинской колыбельной песни крупным событием в удмуртской поэзии начальной поры была публикация стихотворения «Беглой» («Беглец») Михаила Можгина в издаваемом на удмуртском языке ежегоднике «Удморт кылын календарь» в Казани в 1909 г. Стихотворение создано с опорой на народно-песенные традиции. В фольклоре Удмуртии существует

серия песен о беглецах: «Беглой сярись» («О беглеце»), «Пеймыт съод тэль шорын» («Посреди черного леса») и др. [17]. Социально-историческими причинами ухода удмуртов из социума были бегство от христианизации, солдатчины, насильственной приписки к заводам, от издевательства и преследования властей. Эти причины, как правило, сохраняются в текстах народных песен. М. Можгин же, используя сюжет народной песни, сохраняя характер ее зачина, интонационную мелодичность, решительно меняет детерминанты мотива бегства: герой убегает от несправедливого обвинения в убийстве. По наблюдениям Р. И. Яшиной, герой «утратил главное в жизни – свободу и доверие людей, а вместе с ними и все жизненные ценности разом, в их совокупности», ... «народ деревни, не установив вины героя, жестоко расправляется с ним. Подобная трактовка причины появления беглеца далека от народной, ее мы не встретим ни в песнях, ни в прозаических преданиях» [27. С. 146–147]. Исследователь подмечает: «Порицание самосуда – одна из идейных граней произведения» [27. С. 147]. Следующее отличие от удмуртских народных песен о беглых, по мнению Р. И. Яшиной, заключается в усилении трагизма сюжета изображением гибели героя: «<...> В отличие от народных песен, в которых трагические концовки лишь предполагаются, но не изображаются, в балладе М. Можгина подчеркивается гибель героя, драматизированная тем, что он является безвинной жертвой жестокости людей» [27. С. 148].

Неоднократно опубликованная в сборниках и хрестоматиях, широко известная песня М. Можгина вошла в арсенал популярных в народе песен (правда, в сокращении, что вполне объяснимо и естественно) [16].

Большой вклад в развитие песенной традиции внес М. И. Ильин – один из основоположников удмуртской литературы, воспринимавший народные песни как образец для собственного творчества. Авторское указание на песенный жанр как таковой М. И. Ильин использовал только в двух случаях: определением песни (*кырзан*) маркированы стихи «Кизили» («Звездочка») и «Тöды мамык лымыёс» («Белые пушистые снежинки»), да и то в подзаголовке. Но часто использует он для характеристики произведений музыкальные термины, бытующие в традиционной культуре, о чем говорят названия его стихотворений: «Кырзам куй»* («Песенный напев»), «Гырысьлэн кырдызмэз» («Песня пахаря»), «Ныл'еслэн кырдызы» («Девичья песня»). Для атрибуции своих стихотворений он употреблял и термин «напев» (*куй*), обычно используемый в народной песенной культуре. Подчеркивая мелодическую составляющую своих творений, он использует и такие варианты обозначений, как *гур* (букв. 'мотив, напев, мелодия'), *ньоозян* (букв. 'протяжная песня'). Нарботанный устной поэтической культурой тезаурус вовлекается им в свои поэтические опыты, ориентированные на пение.

Показательно используемое М. И. Ильиным затекстовое пояснение к стихотворению «Капчи лымыёс» («Легкие снежинки»): *«Та кырзанэз но та бере гожтэм кырзанэз** 12 ареслы вуэм, Юлия нимо, сютэм кулэм нылы кырза вал»* [12. С. 26] 'Эту песню и следующую за ней песню пела моя 12-летняя дочь

* В сборнике стихотворений имеется приложение с указанием опечаток, в котором отмечается, что вместо «Кырзам куй» следует читать «Кырзан куй» [10. С. 1]. Современная орфография: кырзан куй / күй.

** Речь идет о стихотворении «Усьтэ укноез» («Откройте окно») [12. С. 26–28].

Юлия, умершая от голода'. Трудно определить, авторские это или народные произведения, но из ремарки следует, что приведенный текст пропевался, и это было важным и значимым для поэта.

М. И. Ильину как писателю, выросшему на традициях песенной поэзии родного народа, свойственно преемственное использование ее формальных и содержательных основ. Так, композиция большинства его стихотворений опирается на структурные элементы народных песен: на характерные для южноудмуртской фольклорной традиции строгие четырехстрочные строфические формы, повторы и рефрены по типу припева.

Кроме того, песни М. И. Ильина изобилуют диалектной лексикой: *кадырласа* [10. С. 10] 'уважая, почитая', *ас инышырам* [10. С. 11] 'на своем гунне', *йау карон* [11. С. 23] 'отдых', *пана* [11. С. 24] 'птица; насекомое', *дöулето* [12. С. 15] 'благодатный, благополучный', *умо* [12. С. 42] 'яблоко' и др.

В некоторых случаях, подгоняя свои тексты под песенный ритм, поэт использует усеченные формы слов и «удлиненные» варианты, а также сращение словосочетания в одно слово, что тоже характерно для традиционного стихосложения. Так, автор сокращает слова *нуныкае* 'дитя', *гинэ* 'только' (*Изъы, изъы нункае* [11. С. 23] 'Спи, спи, моё дитя', *Верттаса гнэ възьысал* [11. С. 55] 'Только бы и [в колыбели] качал'); искусственно удлиняет слово *вылтыр* 'тело' (*Милям таза вылмы тырмы* [10. С. 21] 'Наше здоровое тело'), соединяет самостоятельные полнознаменательные слова *куала азьёсад* 'перед святилищем куала' в одну лексему *куалазьёсад* (*куалазьёсад кырзясал* [11. С. 55] 'Перед святилищем куала пел бы') и др.

Образная картина мира в поэзии М. И. Ильина тоже сопряжена с народной песенной культурой. Из арсенала народных песен он перенял определенный круг устоявшихся «птичьих» образов: *у́чы* 'соловей', *турагай* 'жаворонок'. Поэт использует традиционные уподобления, характерные для народных песен: *аз-весь кадик кураед* [10. С. 5] 'словно серебро голос твой', *мугормы но / Вескыт сюсьтыл кадь* [10. С. 21] 'стан наш / Стройный, словно свеча', *бан'ёсмы нош / Лемлэт улмо кадь* [10. С. 22] 'а щеки наши, / Словно розовые яблочки', *мугоры но веськырэс, / Вож бадяред шуымо* [11. С. 56] 'стан мой стройный, / Подобно зеленому клену', *Ой дауре, дауре, / Чебер сяська дауре* [12. С. 41] 'Ой, мои года, мои года, / Красивые цветущие года' и др.

Несколько стихотворений М. И. Ильина приближаются к жанру гостевых («Кырзан» – «Песня» [12. С. 15]), хороводно-игровых («Нылъёслэн кырзамзы» – «Девичья песня» [11. С. 12]) и колыбельных песен «Нунйез изьтыкы кырзан» «Колыбельная» (букв. «Песня, исполняемая во время укачивания младенца») [11. С. 23].

Следуя канонам народной песни, поэт приглушал свою индивидуальность, вероятно, надеясь повысить тем самым востребованность собственных текстов и достичь популярности в массах. Не исключено, что он создавал песни, исходя из практической необходимости, о чем косвенно свидетельствовал современник Михаила Ильина – Кузедан Герд. В одном из своих песенных сборников он отмечал, что спрос на тексты удмуртских песен в 1918–1924 годы был весьма велик [6. С. 3].

Следующим шагом в утверждении песни как востребованного жанра, активно разрабатывающегося удмуртской поэзией, стало издание Т. К. Борисовым

в 1919 году двух коллективных поэтических сборников: «Удмурт кылбуръёс» и «Удмурт стихотворенняес»*. В обоих превалирует революционная проблематика. Соответственно, широко представлены песни интернационального рабочего движения, адаптированные к местным условиям. Есть здесь и коммунистический «Интернационал»**, опубликованный без указания автора и переводчика, и варианты удмуртской «Марсельезы», и траурный марш (автор Я. Ильин). Наличие революционно-песенного контента объяснимо осознанием сути общественной борьбы того времени и стремлением приобщиться к происходящим в стране социально-политическим преобразованиям.

Сборник «Удмурт стихотворенняес» открывается стихотворением «Удмурт-тӥслы шунды жужа» («Для удмуртов солнце восходит»), автором которого был Никифор Корнилов – человек со сложной биографией и драматичной судьбой. Солярная символика текста перекликается с изданным годом ранее в первом номере газеты «Гудыри» знаменитым стихотворением К. Герда «Шунды жужалоз» («Солнце взойдет»), ставшим популярной песней уже в 1920-е годы. Даже отрывок корниловского подстрочника сохраняет своеобразие и прелесть простого, но внятного многим сердцам лирического сюжета:

Ты сказал «до свиданья» и ушел,
Сев в пароход...
И меня оставил одну,
На берегу оглушенную...

Многое я хотела сказать,
Но хлынули слёзы из глаз,
Ведь очень я любила,
И не могла позабыть.

Помню и сейчас
Как мы вместе ходили,
И всегда перед глазами
Наши вечерние прогулки...

[1. С. 4].

К переводам революционных песен, гимнов и маршей на удмуртский язык в этот период активно обращается и Куздебай Герд. «Смело, товарищи, в ногу» («Пыддэс, юлтош'ёс...»), «Смело, друзья, не теряйте» («Кышкатэк, юн оскыса...»), «Варшавянка» («Тэл периос»), «Рабочая Марсельеза» («Марсельез'а»), «Вы жертвою пали» («Ватон марш») не копируются им буквально, часто варьируются строфически, интонационно, но всегда воспроизводятся с сохранением их смысловой направленности, жанровой характеристики, наиболее ярких образных деталей. Песенное начало подчеркивается излюбленными поэтом рефренами, повторами припевов.

* См.: Удмурт кылбур'ёс. Сборник вотских стихотворений на Глазовском наречии. Вятка: Советская Типо-литография, 1919. 36 с.; Удмурт стихотворенняес: сборник вотских стихотворений / Под ред. Т. К. Борисова. Елабуга, 1919. 67 б.

** Первый перевод «Интернационала» на удмуртский принадлежит Максиму Прокопьеву. Сделан он еще до революции 1917 г.

Возможно, именно работа над переводами с русского языка, выполненными в жанре торжественных песен, воодушевила Кузубая Герда на создание текста «Удмурт гимн» («Удмуртский гимн»). Произведение, отличающееся возвышенным тоном и торжественным содержанием, написано соответственно требованиям жанра:

Да здравствует нашей Республики свет,
Да будет земля наша цвесьть много лет!
Свободными стали леса и поля,
Взошло наше солнце, народ окрыля.
[7. С. 71].

Работая с текстами революционных песнопений, К. Герд развивал и обогащал поэтический язык. Выбор им переводимых песен определялся близостью к собственным стихам, совпадением своих переживаний с чувствами автора оригинала, стремлением к адаптации всенародно известных произведений к удмуртской культуре соответственно эпохи*.

Певучие, западающие в душу строчки создавали и Кузубай Герд, и Айво Иви, который в 1920-е годы гремел сатирическими куплетами, частушками «Мон буржуй кадь потйсько» («Я кажусь себе буржуем»), «Кинь пöлын кинь вань» («Между некими есть некие»).

Ориентация на поэтику народной песни свойственна, конечно, и Ашальчи Оки (не случайно ее поэтическая книга 1928 года так и называлась «О чем поет вотячка**»), и многим авторам сборников с говорящим музыкальным названием «Золотые гусли» (1940, 1946), и много позднее – Гаю Сабитову, поэту-песеннику, на счету которого десятки текстов, положенных на музыку композиторами Г. А. Корепановым, Г. М. Корепановым-Камским, Н. Е. Шкляевым.

Таким образом, песня занимала значительное место в творчестве удмуртских поэтов первой трети XX века. Ее присутствие и распространение свидетельствовало о демократизме формирующейся литературной эстетики, связях авторской песенной лирики с народным творчеством и культурой широких слоев населения; о тенденциях мыслить песенными формами, позволяющими устанавливать необходимый уровень контакта с читателями.

ПРИМЕЧАНИЯ

1. *Ар-Серги В. В.* Никифор Корнилов (1894–1976) // Известия Удмуртской Республики. 2007. 23 мая (№ 73). С. 4.

2. *Атаманов М. Г.* Никифор Корнилов писательлэн улон-вылон сюресэз: [об удмурт. писателе Н. Корнилове] // Кенеш. 2006. № 8. С. 76–85.

3. *Векишин И. Г.* Шулдыр даур (туала кырзан'ёс). Ижевск: Удкнига, 1927. 31 б.

* О песне в творчестве Кузубая Герда см.: *Чуракова Р. А.* Песня в творчестве К. П. Герда // Истоки искусства Удмуртии: Сб. науч. трудов. Ижевск: Удмуртский институт истории, языка и литературы Уральского отделения Академии Наук СССР, 1989. С. 49–67.

** См.: *Ашальчи Оки.* О чем поет вотячка. Стихи / С вотяцкого перевел Кузубай Герд. Глазов: Издание Московского Общества Изучения вотяцкой культуры. 1928. 30 с.

4. *Верещагин Г.* Вотяки Сарапульского уезда Вятской губернии // Записки императорского Русского географического общества по отделению этнографии. С.-Петербург: Типография И. Н. Скороходова, 1889. Т. XIV. Вып. 3. 197 с.

5. *Владыкин В. Е.* Мон. О себе и других, о народах и Человеках, и... Ижевск: Удмуртия, 2003. 400 с.

6. *Герд Кузёбай.* Удмурт кырзанъёс. 1-тй книга. 3-тй шуккетэз. Ижевск: Удкнига, 1927. 113 б.

7. *Герд К.* Ступени: Стихотворения и поэмы. М.: Современник, 1985. 164 с.

8. *Домокош П.* История удмуртской литературы / Пер. с венг. В. Васовчик. Ижевск: Удмуртия, 1993. 448 с.

9. Золотые гусли: сб. произведений удмуртских писателей в переводах на русский язык. Ижевск: Удмуртгосиздат, 1940. 127 с.

10. *Ильин М.* Стихотворенияёсыз. Елабуга: Типография совета народного хозяйства, 1920. 27 б.

11. *Ильин М.* Кылбур'ёс. Елабуга: Издание вотского подотдела, Елабужского отдела национальностей, 1921. 64 б.

12. *Ильин М. И.* Кылбур'ёс. Куиньметй книга. Елабуга; Ижкар: Удкнига, 1926. 95 б.

13. *Ильин Я.* Кылбур'ёс (Удмурт кырзан'ёс, мадиськон'ёс, маскара оскон'ёс). Краткий сборник вотских песен, загадок, поверий и пословиц. Иж кар: «Удкнига» эштослэн поттэмез, 1924. 16 б.

14. *Корнилов Н. А.* Жеч лу шуид но кошкид // Кенеш. 2006. № 8. С. 85–86.

15. *Кубилюс В.* Формирование национальной литературы – подражательность или художественная трансформация? (Три шага литературы в фольклор) // Вопросы литературы. 1976. № 8. С. 21–56.

16. *Можгин М.* Бӱглой // Удмурт кылын календарь. 1909. С. 50–51.

17. *Можгин М.* Беглец: перевод Ю. Грудзино // Золотые гусли: сб. произведений удмуртских писателей в переводах на русский язык. Ижевск: Удмуртгосиздат, 1940. С. 21.

18. Очерки истории удмуртской советской литературы. Ижевск: Удмуртское книжное издательство, 1957. 184 с.

19. Писатели и литературоведы Удмуртии: Биобиблиографический справочник / Сост. А. Н. Уваров. Ижевск, 2006. С. 155–156.

20. *Подшивалова Е. А.* Принципы изучения удмуртской литературы // Литература Урала: история и современность: сб. ст. / Отв. ред. Е. К. Созина. Екатеринбург: УрО РАН; Объединенный музей писателей Урала; Изд-во АМБ, 2006. С. 53–58.

21. *Сахарных Д. М.* Об авторстве «первого удмуртского стихотворения» // Живая старина. Журнал о русском фольклоре и традиционной культуре. 2010. № 2. С. 52–55.

22. *Слесарева М. Т.* Фольклоризм поэзии М. Петрова // М. П. Петров и литературный процесс XX века: Материалы Междунар. науч. конф., посвящ. 100-летию со дня рождения классика удм. лит.: Сб. ст. Ижевск, 2006. С. 186–188.

23. Удмурт кылбур'ёс. Сборник вотских стихотворений на Глазовском наречии. Вятка: Советская Типо-литография, 1919. 36 б.

24. Удмурт стихотворенияёс: сборник вотских стихотворений. Елабуга, 1919. 67 б.

25. *Чулков В. И.* Обращенность к свету // Поэт, ученый, педагог: Статьи, воспоминания о Д. А. Яшине. Ижевск: Удмуртия, 1993. С. 13–17.

26. *Чуракова Р. А.* Песня в творчестве К. П. Герда // Истоки искусства Удмуртии: Сб. науч. трудов. – Ижевск: УИИЯЛ УрО АН СССР, 1989. С. 49–67.

27. *Яшина Р. И.* О соотношении фольклорного и авторского в балладе М. Можгина «Беглой» // Дооктябрьские истоки межлитературной общности урало-Поволжья: Сб. ст. Ижевск: УИИЯЛ УрО АН СССР, 1991. С. 142–150.

I. E. Vasiliev, A. V. Kamitova

The Song in the Works by Udmurt Poets of the First Third of the 20th Century

The study into the role of folklore tradition in the development of early twentieth-century Udmurt literature is still of great significance. Despite the fact that all researchers pay attention to folklore origins of the Udmurt literature, thorough investigation of this phenomenon at an early stage of its development has not been conducted. Consideration of this issue on the example of one genre seems promising. This article deals with the performance features of the song genre in the works by Udmurt poets of the first third of the 20th century and analyses poetic style peculiarities of poems-songs. It is revealed that in the works by authors considered (G. Vereshchagin, M. Mozhgin, M. Ilyin, K. Gerd, etc.) folksongs are taken as the pattern for their own works. In general, the esthetics of poetic experiences in writing songs involves combination of folklore and author's principles.

Keywords: Udmurt literature, folk traditions, poetry, genre, song.

Васильев Игорь Евгеньевич,

доктор филологических наук, ведущий научный сотрудник,
Институт истории и археологии УрО РАН,
профессор Уральского федерального университета
620990, Россия, г. Екатеринбург, ул. Ковалевской, 16
E-mail: bazilio@k66.ru

Камитова Алевтина Васильевна,

кандидат филологических наук, научный сотрудник,
Удмуртский институт истории, языка и литературы
Уральского отделения РАН
426004, Россия, г. Ижевск, ул. Ломоносова, 4
E-mail: akamitova@mail.ru

Vasiliev Igor Evgenievich,

Doctor of Sciences (Philology), Leading Research Associate,
Institute of History and Archaeology
of the Ural Branch of the Russian Academy of Sciences;
Professor,
Ural Federal University
620990, Russia, Ekaterinburg, Kovalevskaya St, 16
E-mail: bazilio@k66.ru

Kamitova Alevtina Vasilyevna,

Candidate of Sciences (Philology), Research Associate,
Udmurt Institute of History, Language and Literature
of the Ural Branch of the Russian Academy of Sciences
426004, Russia, Izhevsk, Lomonosov St, 4
E-mail: akamitova@mail.ru